

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

Россия, Санкт-Петербургский государственный университет

Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска»¹

Ключевые слова: спонтанная речь, хезитация, вербальный хезитатив, поисковая функция, рефлексив, речепорождение

Key words: spontaneous speech, hesitation, verbal hesitative, search function, reflexive, speech making

Abstract

The article reviews verbal hesitatives, specific elements of spontaneous speech which occur at problematic points of speech making, fill in hesitation pauses and also have a function of a word, word combination or phrase search. Special attention is paid to situations in which speakers, having found the necessary unit of speech, in a way distance themselves from it, contemplating, as if they were disclaiming the responsibility for the correctness of the nomination, showing their attitude to the particular unit (expressions such as “what do you call it”, “let’s put it this way”, “so-called”, etc. in the speech flow).

Материал устной спонтанной речи, ставший в последнее время объектом внимания лингвистов самых разных направлений (коллоквиалистика, психо- и социолингвистика, прагмалингвистика, культура речи, функциональная грамматика, грамматика речи, грамматика конструкций, грамматика употреблений и некот. др.), открыл и всякие возможности его описания. В частности, в лингвистике на различных уровнях ведутся исследования, посвященные функционированию в речи языковых единиц [см., например: Дараган 2000; 2003; Шмелев 2004; 2005; Гришина 2007; Кобозева 2007 и мн. др.].

Известно, что «как бы и о чем бы мы ни говорили, спонтанно порождая свою речь, в ней всегда так или иначе будут сочетаться элементы кодифицированной

¹ Исследование выполнено в рамках тематического плана фундаментальных НИР СПбГУ «Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков: коммуникативно-семиотический аспект» (шифр проекта 31.0.23.2010).

и устно-разговорной нормы» [Лаптева 1992: 153]. Увидеть все это многообразие современной русской речи, с «борьбой языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещивание [...] разнородных культур» [Ларин 1977: 177], можно, как представляется, только при корпусном подходе к сбору и анализу речевого материала. Именно такую возможность обеспечивает Звуковой корпус русского языка, фиксирующий повседневную бытовую речь носителей русского языка в ее наиболее естественной форме (см. подробнее о двух блоках этого корпуса – «Один речевой день» (ОРД) и Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ): [Богданова-Бегларян 2013б]).

Типичным свойством спонтанной речи являются *паузы хезитации* (колебания), которые возникают в проблемных точках речепорождения и могут быть как незаполненными (физическая пауза – в расшифровках (...) или \int)², так и заполненными различным способом: либо неречевыми звуками (*э-э, м-м, зм*), либо вербальными единицами размером от слова до целых конструкций, ср.:

– *а вот (э-э) на... н... вот наши вот это вот (э-э) вот это вот / вот тут / тут сложнее гораздо / да // потому что / значит / я вот вот (э-э) вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / да да да // да ?* (ОРД);

– *так был ярк... \int это самое \int был \int июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце \int светило (...) ну я не знаю / это надо описывать как-то* (САТ).

Последние уместно назвать *вербальными хезитативами* (ВХ), весь класс которых можно считать результатом протекающего в устной речи процесса *прагматикализации*. В ходе этого процесса происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента, единица в значительной степени утрачивает (или изменяет) свое лексическое, а зачастую и грамматическое значение и главным для нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать *прагматическим значением* данной единицы.

Анализ корпусного материала показал, что, утратив свое лексическое значение, вербальные хезитативы начинают выполнять в нашей речи довольно большое количество разнообразных функций (кроме собственно хезитативной, первичной практически для них всех): они становятся маркерами поиска (слова, выражения, вообще продолжения речи), дейктическими или дискурсивными маркерами (стартовыми, навигационными, финальными), маркерами метакоммуникации, самокоррекции, указания на чужую речь или

² В расшифровке приняты следующие символы: / и // – синтагматическое и фразовое членение; *П – пауза; () – краткая пауза хезитации; *Н – неразборчивый фрагмент речи; (?) – вероятная/спорная расшифровка; по... – оборванное слово; # – смена говорящего; @ – наложение речи разных говорящих; *С – смех, *К – кашель, *В – вдох/вдох.

ритмообразующими (подробнее о прагматемах в русской спонтанной речи см.: Богданова-Бегларян 2014).

Одной из наиболее интересных и легко поддающихся дальнейшей систематизации представляется *поисковая функция* вербальных хезитативов (см. о ней подробнее: Богданова-Бегларян 2013а). ВХ может маркировать поиск (не всегда удачный) говорящим разных компонентов текста, ср.:

- **поиск глагола-сказуемого (или его части):**
 - *ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они коту накормили / это самое // он начал / это самое / э-э ну это / как его // э-э ну з... / ж... / ну жареной свининой // значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу (САТ);*
 - как бы он не это самое (ОРД);
- **поиск предиката (не действия):**
 - и соответственно значит вся Олимпиада наша [...] без электричества как они будут ? естественно это очень это самое } сложно будет (САТ);
 - снимочки мы делали / там вроде косточки нормальные / да ? у вас ? // да / там (:) они это / как его ? ближе к спрессованным (ОРД);
- **поиск наименования (чаще – имени существительного):**
 - а / всё ... а у меня на да ... д... дача на этом / как его / на Дунае (ОРД);
 - а потом нас еще и повезли / как бы на эти самые } на день рождения (САТ);
 - Настя / достань это самое и @ *Н @ выкини / давай (ОРД);
- **поиск определения:**
 - я уже думал / может опять отправить их одних // *П всё-таки с ребёнком / там море такое знаешь (...) опасное (ОРД);
 - и дальше поехали на один из курортов на / берегу / Каспийского / моря // ну / э-э конечно там уникальная / природа / вот этот / э-э совершенно нетронутая / Каспийское / море (САТ);
- **поиск обстоятельства:**
 - она говорит да ладно *Н и вот знаешь говорю / у меня уже собеседование говорю / знаешь как *Н критически так смотрю @ угу (ОРД);
- **поиск предикативной единицы:**
 - он м-может умереть / вообще невозможно / потому что он так любил жизнь / у него же вот это вот он постоянно всё / пытался везде успеть // я помню когда мы еще только познакомились (САТ);
 - т... ты сама ... # а сейчас с флэшкой всё таки / ага / сейчас // он ушёл в этот самый @ он ушёл @ в (э-э) ... бельё понёс / я ему сказала / он сейчас бельё отнесёт и придёт (ОРД).

Приведенные примеры показывают, что вербальные хезитативы в поисковой функции отражают саму сущность спонтанного речепроизводства: любое

продвижение монолога вперед может вызвать у говорящего хезитационную заминку, в ходе которой он обдумывает свою речь, подбирает ту или иную языковую единицу, что-то корректирует или меняет микротему. Поисковая функция ВХ неотделима от собственно речевого колебания, хотя попутно решается еще и ряд других задач: вербальные хезитативы в большинстве своих употреблений полифункциональны.

Если понимать под *дискурсом* собственно речь, речевую коммуникацию, или «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 2000: 137], то *дискурсивный анализ* – это не только «регистрация языковых фактов, но и их объяснение с точки зрения когнитивных процессов в голове говорящего человека» [Кибрик, Подлесская 2009: 31], а выявляемые в ходе такого исследования «речевые сбои и способы их преодоления – неоценимый источник информации при анализе языка с когнитивных, социологических и психологических позиций», «ключ к порождению и пониманию речи» [Кибрик, Подлесская 2009: 31]. Именно потому особый интерес исследователя вызывают те ситуации, когда говорящий, найдя в ходе хезитативного поиска ту или иную единицу, каким-то образом выражает свое отношение к результату этого поиска: либо остается в состоянии неуверенности, что нашел именно то, что нужно, либо снимает с себя ответственность за сказанное, вербализует это отношение «отстраненности», используя различные конструкции с общим значением ‘если я не ошибаюсь’ или с риторическим вопросом типа *так ли?* Поскольку эти конструкции возникают как рефлекс говорящего на произведенный им хезитативный поиск, то их уместно назвать *рефлексидами* и выделить как самостоятельный класс прагматем устной спонтанной речи, ср.:

- *главное у нее сегодня этот () как его / лабораторный день / или как сказать ?* (ОРД);
- *ну просто какое-то(?) хирургическая манипуляция / знаете* (ОРД).

Такое понимание рефлексива несколько отличается от другого толкования данного термина, активно используемого в лингвистике: «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» [Вепова 1999: 51; см. также: Кормилицына 2000; Шейгал 2004], хотя и обнаруживает некоторую близость к нему: говорящий непроизвольно, рефлексивно, подсознательно реагирует на только что сказанное и тем самым действительно осуществляет некоторое «метаязыковое комментирование». Целью рефлексива, по мнению Е. И. Шейгал, является «снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине» [Шейгал 2002: 133].

Во всех таких случаях рефлексив переходит на «метадискурсивный» уровень речепорождения и выступает, по выражению К. М. Шилихиной, в роли «индикатора субъективной оценки говорящим собственной речевой деятельности» [Шилихина 2013: 717].

Рассмотрим несколько конкретных примеров употребления в роли рефлексива конструкции (ВХ) *скажем так/так скажем*. Употребляя этот ВХ в ходе хезитационного поиска, говорящий одновременно оценивает степень удачности/неудачности или тривиальности/нетривиальности полученного результата. Сама конструкция при этом может занимать разное положение по отношению к найденному слову/выражению. От этого во многом зависит и ее значение.

Так, в *препозиции* данный хезитатив дает предварительную оценку следующего слова или выражения, как бы готовя к нему слушателя. Эта оценка может быть различной, ср.:

(1) *ну просто здесь случай / *П скажем так не самый простой* (ОРД).

ВХ здесь сигнализирует о том, что следующее выражение в значительной степени *эвфемистично*, оно намеренно смягчено говорящим, тогда как могло бы быть гораздо более жестким: *случай трудный, неприятный* и т. п. Без ВХ эта эвфемистичность не была бы эксплицирована и, соответственно, гарантированно воспринята слушающим.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в следующем примере (2):

(2) *и / значит / э-э так скажем немолодой уже / мужчина отправляется / э-э на отдых* (САТ).

Иная ситуация в контексте (3):

(3) *у нас сейчас () акция действует / скидка десять процентов на библиотеку // то есть это у вас получается как бы () так скажем бесплатная сборка* (ОРД).

Здесь говорящий, используя конструкцию *так скажем*, словно бы, наоборот, отказывается от размытых, туманных выражений и называет вещи своими именами (в отличие от первой группы примеров, здесь можно говорить о *деэвфемизации* высказывания). Примерно с той же целью используется хезитатив и в следующем примере (4): говорящий отказывается от осторожных и смягченных выражений, предпочитая выразиться конкретно и прямо:

(4) *как часто вы встречаете людей / чья речь вам нравится / доставляет вам удовольствие ? *П *В в основном в книгах / конечно // *П *Н ну / наши / *П известные артисты / речевики / типа Ираклия Андроникова / понятное дело // *П да вот / *П ну скажем так / редко* (ОРД).

В примерах (5)–(6) рассматриваемый ВХ сигнализирует, как можно предположить, о некоторой нетривиальности (с точки зрения говорящего) найденного выражения:

(5) *(э-э) ну(:) в особенности с человеческой памятью / опять же достаточно избирательной и(:) / *П скажем так идеалистичной / по отношению к той информации / которую она воспринимает / *В и(:) в самом языке / нет средств / *П которые бы позволяли отделять (...) реальные вещи / *П которые действительно существуют / *П от вещей / скорее вымышленных / идеальных* (ОРД);

(6) *В и кстати (э-э) / я вот обратил внимание что / вот / национальности которые (э-э) / **скажем так** / с... среди себя только / *П размножаются ... @ а / да да да // @ вот // @ ну // @ они (э-э) (м-м) *менее красивые чем миксы* (ОРД).

Наконец, в контексте (7) говорящий, употребляя вербальный хезитатив *ну скажем так*, пытается максимально точно определить (выбрать из возможных) время года, изображенное на картине И. И. Шишкина, которую он описывает:

(7) это / я думаю что / осень // осенняя // **ну скажем так** / или поздний август или / начало / осени (САТ).

В *постпозиции* рассматриваемый хезитатив (здесь точно – рефлексив, так как появляется *после* сказанного), строго говоря, уже не вполне поисковый, он показывает лишь оценку говорящим найденного (в результате невербализованного поиска) слова или выражения:

(8) там *Н // он пытается сейчас пересмотреть // *П ему помогают пересмотреть // *П **скажем так** / в том числе / толкают // *П это ж надо пересматривать // *П пересматривать ему не очень хочется (ОРД).

Употребляя исследуемый рефлексив, говорящий в контексте (8) обращает внимание слушателя на то, что объект его речи не сам *пытается пересмотреть* какое-то свое действие или решение, а его вынуждают (*помогают пересмотреть*) это сделать; некоторая эвфемистичность данного выражения в дальнейшем заменяется прямым указанием на произведенное с этим объектом действие: *в том числе / толкают*; в результате *это ж надо пересматривать*, хотя *пересматривать ему не очень хочется*. Явное насилие над объектом, а не *помощь* ему, в чем и помогает слушающему разобраться используемая конструкция *скажем так*.

(9) у меня такой личный вопрос / в общем (м-м) **скажем так** ... *П разрешите / я сяду (ОРД).

О поиске, произведенном говорящим в контексте (9), свидетельствует, в частности, употребление дискурсивной единицы *такой*, а также протяженная последующая хезитационная конструкция *в общем (м-м) скажем так*, заканчивающаяся обрывом фразы. Сам же рассматриваемый рефлексив подчеркивает некоторую нетривиальность, даже терминологичность, произнесенного выражения (*личный вопрос*), а также показывает, насколько важен этот вопрос для говорящего. Не случайно далее, прежде чем перейти собственно к этому вопросу, говорящий просит у собеседника разрешения *сесть (разрешите / я сяду)*.

В примерах (10)–(11) рефлексив снова показывает некоторую эвфемистичность найденных выражений. Говорящий словно бы сообщает слушателю, что *сложная публика, определённые национальные особенности* – это еще мягко сказано:

(10) *там сложная публика / скажем так // *В хотя / *П есть один представитель который совершенно не искажён / (...) стремление (...) делать всё как надо / но(:) *П к сожалению / *П просто средства массовой информации / они не существуют в вакууме / это не(:) (...) какой-то клуб избранных (ОРД);*

(11) *то есть / *П значит / *П еврей / *П эстонец / китаец (э-э) киргиз / неважно / *П это человек с определёнными национальными(:) / ну(:) / ну определённые национальные особенности / скажем так / да ? *П вот // *П (а-а) потому что понятно что / значит / у(:) туркмена допустим / и у эстонца / у них менталитет разный // # да(:) (ОРД).*

В следующем примере (12) рассматриваемый ВХ находится в **интерпозиции**, то есть разрывает найденную конструкцию, встраивается в нее, привлекая к ней внимание слушающих и снова, как представляется, сигнализируя о некоторой ее нарочитой смягченности, эвфемистичности:

(12) *не отдохнула // хотя я там бездельничала / меня никто не напрягал / меня никто / ну вот это вот / однообразие / которое там было / вот эта неустроенность быта / э-э ну / действовала на меня не очень / так скажем / плодотворно (САТ).*

Иллюстрации показывают возможный спектр значений (отношения говорящего к сказанному), которые может передавать рефлексив (...) *скажем* (...) в разных положениях по отношению к искомому (и найденному) слову/выражению. Чаще всего при этом ВХ сигнализирует о некоторой, с точки зрения говорящего, нетривиальности, нарочитой смягченности (эвфемизации) или, наоборот, нарочитой категоричности (деэвфемизации) данного лексического средства.

Возможно в спонтанной речи употребление рефлексивов и вне ситуации хезитативного поиска, ср.:

Говорящий испытывает трудности при подборе адекватной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин – и использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации. Список таких «сигналов», или «кластеров», достаточно объемён и разнообразен, поэтому логично поставить вопрос о создании словаря подобных единиц, как хезитативно-поисковых, так и рефлексивных. Потенциальными пользователями такого словаря могут быть русисты всех специализаций, коллоквиалисты, специалисты в области речевой коммуникации, журналисты, психо- и социолингвисты, специалисты в области лингвистической экспертизы, преподаватели русского языка для русских и иностранных учащихся, студенты-филологи, а также широкий круг лиц, интересующихся современным состоянием живой русской речи.

Литература

- Арутюнова Н. Д., 2000, Дискурс [в:] В. Н. Ярцева (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва: Советская энциклопедия, с. 137.
- Богданова-Бегларян Н. В., 2013а, Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) [в:] В. П. Селегей (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 12 (19), в двух томах, т. 1: *Основная программа конференции*, Москва: РГГУ, с. 125–136.
- Богданова-Бегларян Н. В. (ред.), 2013б, *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Коллективная монография, ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание*, Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Богданова-Бегларян Н. В., 2014, Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология, *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, вып. 3 (27) [в печати].
- Вепрева И. Т., 1999, О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи [в:] *Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания*, т. 1, Москва: Диалог-МГУ, с. 51–58.
- Гришина Е. А., 2007, О маркерах разговорной речи (Предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorgo.ru) [в:] А. Е. Кибрик (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 22, Москва: РГГУ, с. 147–156.
- Дараган Ю. В., 2000, Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи [в:] *Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, т. 1: *Теоретические проблемы*, Протвино: РГГУ, с. 67–73.
- Дараган Ю. В., 2003, Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства [в:] *Труды Международного семинара Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, т. 1: *Теоретические проблемы*, Протвино: РГГУ, с. 166–178.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.), 2009, *Рассказы о свидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*, Москва: Языки славянских культур.
- Кобозева И. М., 2007, Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) [в:] А. Е. Кибрик (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 22, Москва: РГГУ, с. 250–255.
- Кормилицына М. А., 2000, Рефлективы в речевой коммуникации [в:] О. Б. Сиротинина (отв. ред.), *Проблемы речевой коммуникации*, Саратов: Издательство Саратовского университета, с. 20–25.
- Лаптева О. А., 1992, Дискуссионные вопросы изучения устной литературной речи в свете теории нормы [в:] М. Н. Кожина (гл. ред.), *Статус стилистики в современном языкознании: Межвузовский сборник научных трудов*, Пермь: Пермский государственный университет, с. 150–203.

- Ларин Б. А., 1977, О лингвистическом изучении города [в:] Б. А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание*, Москва: Просвещение, с. 175–189.
- Шейгал Е. И., 2002, Рефлексивы в политической коммуникации [в:] *Теоретическая и прикладная лингвистика*, вып. 3: *Аспекты метакоммуникативной деятельности*, Воронеж: Издательство ВГТУ, с. 133–141.
- Шейгал Е. И., 2004, *Семиотика политического дискурса: Монография*, Москва: Гнозис.
- Шилихина К. М., 2013, Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора [в:] В. П. Селегей (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 12 (19), в двух томах, т. 1: *Основная программа конференции*, Москва: РГГУ, с. 710–717.
- Шмелев А. Д., 2004, «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры (на материале русского языка) [в:] М. Лейнонен (ред.), *Жанр интервью: особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге*, (Slavica Tampereusia VI), Tampere: Tampere University Press, с. 205–222.
- Шмелев А. Д., 2005, «Показатели хезитации» в русской устной речи [в:] В. Н. Топоров (отв. ред.), *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*, Москва: Языки славянских культур, с. 518–529.